

ISSN 2076-6297

Journal of Institutional Studies

ЖУРНАЛ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 4

Номер 2

2012

Журнал издается при поддержке
Международной ассоциации институциональных исследований

Journal of Institutional Studies

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 20 мая 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-36310

Журнал издается с 2009 г., выходит 4 раза в год.
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 82295

Учредитель:

ООО «Гуманитарные перспективы»

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Нуреев Р.М. (НИУ-ВШЭ)

Заместители: Дементьев В.В. (ДонНТУ), Вольчик В.В. (ЮФУ)

Члены редакционной коллегии:

Аронова С.А. (Орловский ГУ), Аузан А.А. (МГУ), Белокрылова О.С. (ЮФУ),

Кирдина С.Г. (ИЭ РАН), Клейнер Г.Б. (ЦЭМИ РАН, ГУУ),

Латов Ю.В. (Академия управления МВД РФ), Левин С.Н. (КемГУ),

Литвинцева Г.П. (НГТУ), Малкина М.Ю. (Нижегородский ГУ),

Лемещенко П.С. (БГУ)

Мау В.А. (Академия народного хозяйства при Правительстве РФ),

Полищук Л.И. (НИУ-ВШЭ), Сидорина Т.Ю. (НИУ-ВШЭ),

Розмаинский И.В. (СПб. филиал НИУ-ВШЭ),

Хасанова А.Ш. (КАИ), Шаститко А.Е. (МГУ).

Ассистент редактора Оганесян А.А.

Международный редакционный совет:

Андрефф В. (University of Paris 1, France),

Гриценко А.А. (Институт экономики и прогнозирования НАН, Украина)

Кохен С. (Erasmus School of Economics, Holland),

Кэрл Леонард (University of Oxford, UK)

Маевский В.И. (ИЭ РАН), Мизобата С. (Kyoto University, Japan),

Цвайнерт Й. (Hamburg Institute of International Economics (HWWI), Germany).

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес редакции:

344082, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10.

Наш сайт: www.humper.ru

Тел. +7 (863) 269-88-13

e-mail: hp@donpac.ru

СЛОВО РЕДАКТОРА

Нуреев Р.М. На пути к пониманию институциональной природы инноваций 4

СОВРЕМЕННАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Козлов О.С. Эмпирический анализ определяющих факторов и взаимосвязи
крупной и бытовой коррупции: роль институтов 11

ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Саблин К.С. Роль институциональной среды в формировании институтов
развития 32

Ксензов С.В. Россия как инкубатор института государства малых наций
(Беларусь и Финляндия) 42

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Латов Ю.В. Клио берет калькулятор (клиометрические case-study
по институциональной экономической истории российской цивилизации) 50

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Калюжнова Н.Я. Экономика недоверия: роль социального капитала
в России 74

Сахаровский С.Н. Институциональные факторы формирования человеческого
потенциала 83

ОТКРЫТАЯ АУДИТОРИЯ

Нуреев Р.М., Дюсуше О.М. Программа дисциплины «Экономика»
(институциональные аспекты) 93

Дюсуше О.М. Лекция «Институциональные модели государства» 112

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Белокрылова О.С. Проблемы легитимности экономических
институтов: российский опыт 128

РОССИЯ КАК ИНКУБАТОР ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА МАЛЫХ НАЦИЙ (Беларусь и Финляндия)

КСЕНЗОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

*кандидат исторических наук, доцент,
Полесский государственный университет (Пинск),
Республика Белоруссия,
e-mail: sksenzov@mail.ru*

Опираясь на сравнительные методы, автор рассматривает процессы формирования института государства Беларуси и Финляндии в XIX — начале XX вв. Выделены механизмы формирования государственности малых наций. Определена инкубационная природа российского государства.

Ключевые слова: *малый этнос; малая нация; институт государства; институциональный механизм.*

Relying on the comparative methods, the author analyzes the process of Belarus and Finland state institution foundation in the XIX — early XX centuries. The institutional mechanisms of this process are selected and clearly defined. The evolution nature of the Russian state is defined.

Keywords: *small ethnos; small nation; institution of the state; institutional mechanism.*

Коды классификатора JEL: *N13, N93, Z13.*

«Новый историзм» активно использует в качестве методологического приема сравнительное исследование тех или иных исторических явлений в поисках общего механизма социально-экономических и политических процессов. Баррингтон Мур сравнивал революционные события во Франции, США, Китае и Японии с целью поиска общего механизма социальных процессов и факторов, которые определяют сценарии политического развития этих стран в настоящем (Moore 1966). Чарльз Тилли (Tilly 1984) на основе сочетания значений двух переменных «одна форма — много форм» и «один случай — много случаев» различает четыре типа исторических сравнений. Индивидуализирующие сравнения имеют место тогда, когда один случай рассматривается как одна форма. Универсализирующие сравнения предполагают, что все случаи рассматриваются как одна форма. Сравнения, выявляющие вариации, проводятся тогда, когда во всех случаях выявляется множественность форм. Охватывающие сравнения означают, что в рамках одного случая выделяется множественность форм. Теда Скокпол в работе «Государства и социальные революции» (Skocpol 1979) уделяет внимание существенным различиям между случаями социальных революций во Франции, Китае и России. Она выделяет три основных типа сравнительно-исторического метода: макрокаузальный анализ, сравнительную историю как параллельную демонстрацию теории и сравнительную историю как контраст контекстов.

К последнему подходу можно отнести такие работы, как «Завоевание и коммерция: Испания и Англия в Америке» Джеймса Ланга, «Короли или народ: власть и мандат на правление» Рейнхарда Бендикса (Lang 1975; Bendix 1978). Общая черта таких работ состоит в поиске индивидуальных, уникальных черт каждого случая. Есть только общие широкие темы, ориентирующие вопросы или идеально-типические понятия, позволяющие сопоставлять случаи, но в самих случаях ищутся и находятся исключительно различия и контрасты. Рустем Нуреев и Юрий Латов в работе «Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития)» (Нуреев и Латов 2009) используют концепцию зависимости от предшествующего развития. Рассматривая процессы развития России и Европы, они применяют, в том числе, и сравнительный метод.

Используя опыт исследователей, перечисленных выше, нам бы хотелось остановиться на процессах, происходящих у малых этносов в период нахождения в составе государства боль-

ших наций. Каким образом в этих условиях формируется институт государства малых наций? Как государственная национальная политика влияет на этот процесс? Какие институциональные механизмы способствуют изучаемому процессу? Ответ на эти вопросы возможен в результате сравнения формирования института государства у белорусского и финского народов в XIX — начале XX вв., когда обе малые нации оказались в составе Российской империи.

БЕЛАРУСЬ

Белорусские земли отошли Российской империи в ходе разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795). Российское правительство осуществило ряд мер по включению данных территорий в институциональное поле страны. На Беларусь были распространены общероссийские принципы государственного управления в ходе административной реформы 1796 г. Были созданы губернии: Могилевская и Витебская, которые образовали Белорусское генерал-губернаторство; Гродненская, Виленская, Минская, вошедшие в состав Литовского генерал-губернаторства. Исполнительная власть передавалась генерал-губернаторам. Органы государственного управления функционировали по российскому образцу. Население белорусских губерний приводилось к присяге. Лицам, которые не присягнули на верность России, предлагалось в трехмесячный срок выехать за границу, продав недвижимость. В противном случае по истечении этого срока имущество попадало в казну. Магнаты и шляхта, успокоенные обещанием сохранения сословных привилегий, в своем большинстве принесли присягу и стали гражданами России.

Беларусь в составе Речи Посполитой развивала свои феодальные отношения в условиях децентрализованного государства. Крестьяне находились в полной собственности у феодалов и не могли апеллировать к государству. У феодалов Беларуси в дороссийские времена было много политических, экономических и социальных прав и поэтому они не привыкли к жесткому государственному контролю в централизованном государстве. Более того, магнаты Речи Посполитой имели собственные войска, таможни и другие государственные институты и привыкли к состоянию своего поместья в статусе «государство в государстве». В Российской империи центральная власть ограничивала права феодалов и закрепила за собой право суда и контроля за уровнем феодальной эксплуатации крестьян.

Россия не знала такой социальной категории дворянства, как «шляхта». В России обедневшие помещики теряли свои права и привилегии и становились государственными чиновниками. В Беларуси же «мелкая» шляхта, потерявшая земли и крестьян, сохраняла свой правовой статус дворянина. Правовые отличия России и Речи Посполитой были очень большими. В Речи Посполитой власть короля была слабой, а власть шляхты — сильной. Король не имел законодательных полномочий и являлся главой исполнительной власти. Шляхта Речи Посполитой имела право на конфедерации (войсковые союзы), имела право законно поднимать бунт (рокаш) против короля. В целом властные правовые отношения в Речи Посполитой можно назвать феодальным политическим плюрализмом. И вот с такими традициями шляхта попадает в условия абсолютной монархии России, где действует принцип «Царь всегда прав. Если царь неправ, смотри пункт первый».

Первоначально шляхта попробовала занять независимую позицию в отношении российской власти. Тем более, что политика Екатерины II сначала была достаточно либеральной. Шляхта сохранила основные привилегии и права. Конечно, царица ликвидировала право шляхты на конфедерации, собственное войско и частные крепости. В «Жалованной грамоте» 1775 г. Екатерина II провозгласила, что «каждое состояние (сословие) из жителей присоединенных земель вступает с самого сего дня во все оному свойственные выгоды по всему пространству империи Российской»¹.

Основная часть шляхты осталась довольна своим новым статусом и даже поднесла российской власти адрес, в котором было сказано: «Живя не в Польше, мы чувствуем себя как бы в Польше и даже лучше, чем в настоящей Польше» (*Игнатоўскі* 1991, 167). Так же осторожно российская власть первоначально относилась к католической церкви. Имущество костелов, монастырей оставалось неприкасаемым. Согласно указу Екатерины II была основана Белорусская католическая епархия. На города Беларуси распространялись принципы, изложенные Екатериной II в «Дарственной грамоте городам» 1785 г., были ликвидированы права феодалов на частные города. Данные города были выкуплены российским правительством. Они стали управляться думой, состав которой формировался путем выборов из городских сословий.

Указом Екатерины II от 23 июня 1794 г. устанавливалась «черта оседлости» для еврейско-го населения белорусских, литовских и частично украинских губерний. На территории «черты

¹ См.: Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 5. 25.

оседлости» евреям разрешалось проживать, заниматься ремеслом и торговлей. Не разрешалось покупать земли и заниматься земледелием. Евреи могли записываться в мещанские и купеческие сословия при условии, что будут платить налоги в двойном размере.

Как видно, вначале российские власти на присоединенных белорусских землях проводили либеральную политику, стремясь мягко снять оппозиционные настроения. Вместе с тем, было очевидно, что это временные конъюнктурные меры. В секретном указе князю Вяземскому Екатерина II писала: «Нарушать привилегии их все сразу очень непристойно было б, но и называть их чужеземными и относиться к ним на этой основе есть еще большая ошибка, и можно сказать с уверенностью, что глупость...» (Цвікевіч 1991, 30).

Такая политика царской власти продолжалась недолго. Антироссийское восстание под руководством Тадеуша Косцюшко 1794 г. выявило оппозиционность шляхты и привело к ответным мерам. Первый шаг — введение на белорусских землях землевладения российского дворянства за счет государственного фонда. Основная часть государственных земель вместе с крестьянами была роздана Екатериной II российским дворянам и чиновникам. Из 750 тыс. крепостных мужского пола, которые проживали на присоединенных землях Беларуси, 140 тыс. перешло к российским помещикам и государственным служащим. Всего на присоединенных к России территориях Беларуси с 1772 по 1796 гг. Екатерина II передала российским дворянам 150 550 душ. Павел I на протяжении 1796–1801 гг. отдал 51 помещику около 28 тыс. душ мужского пола. В итоге удельный вес российских помещиков в середине XIX в. составлял в Беларуси 1%, а площадь их землевладения — 21,7% (Козловский 1982, 99).

Следующим жестким решением, которое должно было укрепить власть российского государства, являлось ограничение прав местного дворянства. У оппозиционно настроенной шляхты стали конфисковывать поместья. В 1773–1775 гг. поместья были конфискованы у тех магнатов, которые отказались принять присягу России. Затем прошла конфискация поместий у участников восстаний 1794, 1830–1831 гг. У российского государства был шанс пойти по пути толерантного решения белорусского вопроса. В конце 1811 – начале 1812 г. группа белорусских шляхтичей (М.К. Агинский, Ф.К. Любецкий и др.) подготовила проект о возрождении Великого княжества Литовского под протекторатом России, взяв в качестве примера Великое княжество Финляндское. Но проект не нашел поддержки².

Наполеон же, наоборот, перед вторжением в Россию обещал возродить Великое княжество Литовское и Речь Посполитую, освободить крестьян от крепостного права. Шляхта встречала французские войска с восторгом. Белорусские крестьяне встали на путь партизанской войны. Низкая дисциплина, мародерство армии Наполеона, — вот причины, по которым крестьянам не нравилось пребывание войск на их территории. Но они оказались разочарованы в своих надеждах на избавление от крепостной зависимости от российских властей. В то же время многие коллаборационисты после войны были помилованы и даже не потеряли свои государственные должности.

30-е гг. XIX в. стали переломными в политике царских властей в отношении белорусских губерний. Эта политика приобретает все возрастающую жесткость. Объяснить ее можно такими причинами, как рост оппозиционных настроений и движений, консервативным режимом правления Николая I. В эти годы правительство начинает проводить мероприятия, которые получили название «разбор шляхты». Меры были направлены против мелкопоместной шляхты. Их смысл заключался в уменьшении количества привилегированного сословия путем перевода в другие сословия тех шляхтичей, которые не имели документов о шляхетстве. Проверка шляхетства началась еще в 1772 г., но до 1830–1831 гг. велась медленно и либерально. Антироссийское шляхетское восстание подтолкнуло царскую администрацию к решительным действиям. В соответствии с указами 1831, 1847, 1857 гг. лица, которые не доказали документами своего шляхетского статуса, лишались дворянства, права владеть поместьями. В результате неграмотные бедные шляхтичи лишились своего дворянского статуса. Российское государство превратило их в слой «однородцев» в деревне и «горожан» в городах.

В 1832 г. был закрыт Виленский университет как очаг сепаратизма и свободомыслия. Указами 11 мая и 11 июня 1832 г. польский язык в судебных делах был заменен на русский. В 1840 г. был издан указ об отмене Статута Великого княжества Литовского. Российское законодательство распространялось на всю территорию Беларуси. Делопроизводство должно было вестись на русском языке. Всем государственным учреждениям давались русские названия. В местные административные органы стали назначаться преимущественно российские чиновники. В 1839 г. было проведено объединение униатской церкви с православной. В начале 40-х гг. царское правительство запретило духовенству (как католическому, так и православ-

² См.: Нарысы гісторыі Беларусі: ў 2 ч. Мінск: «Беларусь», 1994. 45.

ному) владеть землей и крестьянами³. Эти меры значительно ослабили влияние католической церкви в Беларуси. Безусловно, повлияли они и на языковую ситуацию в белорусском обществе. Образовательная программа 1860–1862 гг. позволяла употреблять белорусский язык в начальной школе. В противовес полонизации белорусской культуры власти стали благосклонно относиться к тем деятелям культуры, которые переходили с польского языка на белорусский. Именно во второй половине XIX в. происходит подъем белорусской литературы, и формируется новый литературный белорусский язык.

ФИНЛЯНДИЯ

Летом 1808 г. российский император Александр I объявил об окончательном завоевании Финляндии. Во многих частях страны финские крестьяне продолжали партизанскую войну из страха стать крепостными и инерции подданнических традиций. Среди представителей высших и средних сословий пророссийские настроения распространялись значительно быстрее, особенно после обнародования подписанного императором в июне 1808 г. манифеста, в котором он обещал населению не только сохранить унаследованные от шведов законы, но также оказать стране экономическую поддержку. В конце осени 1808 г. к императору в Санкт-Петербург отправилась финская депутация. Депутаты просили созвать в стране сейм, в ходе работы которого сословия объявили бы императора новым правителем Финляндии. Александр приказал созвать сейм, одновременно назначив бывшего шведского офицера Г.М. Спренгтпортена первым генерал-губернатором Финляндии. Спренгтпортен активно проповедовал присоединение Финляндии к России в качестве автономного великого княжества, по образцам североамериканских и голландских федераций. Двадцать девятого марта 1809 г. император открыл Боргоский сейм, и этот день стал днем рождения новой нации (*Мейландер* 2008, 78).

В стране было создано собственное центральное управление, которое было перенесено в новую столицу — Гельсингфорс. Общественные реформы и национальное движение во многом основывались на культурных традициях, сложившихся в эпоху шведского владычества. Тем временем российская администрация зорко следила за общественностью Финляндии, немедленно вмешиваясь, если проявление национальных чувств принимало политическую окраску. Основанием считалось подозрение, что эти чувства коренились в сепаратизме и в ностальгическом стремлении вновь присоединиться к Швеции.

Боргоский сейм 1809 г. осуществил надежды как новых властителей Финляндии, так и ее сословий. На сейме Александр I впервые выступил под высшим титулом завоеванной им страны — титулом великого князя, — торжественно приняв почести и присягу от всех четырех сословий и ответив им заверением в своей благонамеренности как правителя. Стороны подтверждали свою готовность соблюдать существующие законы и государственный порядок, что для Финляндии означало прежде всего сохранение лютеранской веры, шведской модели судопроизводства и особых сословных привилегий.

Император, вместе со своим главным советником графом М.М. Сперанским, не видел причины разрушать шведские общественные структуры в завоеванной Финляндии. Для Финляндии возникла уникальная возможность сделаться государством в государстве. Целью императора было создание финского управления, которое было бы неразрывно связано с Россией, но из-за некоторых, частично случайных факторов дело остановилось на административном решении, которое имело скорее противоположный эффект. Спренгтпортен, после своего назначения на пост генерал-губернатора Финляндии в декабре 1808 г., разработал предложение о создании финского Правительственного совета, который бы полностью подчинялся лицу, занимавшему его собственную должность. Однако Спренгтпортен вызывал всеобщую неприязнь как бывший перебежчик. Летом 1809 г. его сменил на этом посту генерал М.Б. Барклай де Толли, в недавнем прошлом руководивший завоеванием Финляндии. Ранее Барклай де Толли однозначно выступал против особого финского Правительственного совета, но как генерал-губернатор он осознал, что в управлении страной такой совет мог бы играть благоприятную роль. Для финского Правительственного совета был создан особый устав. Он был утвержден императором в августе 1809 г. В уставе упоминались два административных решения, передававшие власть от генерал-губернатора Правительственному совету, который в 1816 г. был переименован в Императорский сенат Финляндии. Еще в 1808 г. Сперанскому было поручено докладывать императору о состоянии дел в Финляндии в обход генерал-губернатора, и министр позаботился о том, чтобы такой порядок был закреплен в уставе. Свобода генерал-губернатора была ограничена также другими средствами. По уставу он являлся председателем Сената, состоявшего

³ См.: Нарысы гісторыі Беларусі: Ў 2 ч. (1994) Минск: «Беларусь», 1994. ч. 1. 123.

из двух отделений — департамента юстиции и департамента экономики. Однако Сперанский проследил, чтобы генерал-губернатор не имел права голоса в гражданских делах, которых у администрации страны было более чем достаточно. Поэтому на практике в компетенции генерал-губернатора оказался лишь контроль над вооруженными силами Великого княжества. Впрочем, генерал-губернатор обладал правом снабжать предложения Сената своим письменным заключением, из-за чего в дальнейшем государь, принимая решение, зачастую предпочитал руководствоваться предложениями генерал-губернатора. В 1812 г. такое разделение труда еще более закрепилось особым предписанием о должности генерал-губернатора (*Юссила, Хентила и Невакиви* 1998, 22). При этом возникла двойственность: в генерал-губернаторской канцелярии преобладали русскоязычные чиновники из «российской» Финляндии, в то время как члены Сената набирались из среды не владевших русским языком чиновников, происходивших из «шведской» Финляндии. Конечной целью было создание в Финляндии новой русскоязычной элиты, но эти попытки не удались.

Финляндия была единственной, кроме Польши, частью державы, о делах которой монарху докладывал особый государственный секретарь. Таким образом, учреждение должности государственного секретаря в 1811 г. во многом способствовало тому, что управление Великого княжества уже на ранней стадии получило особую форму. Страна мало-помалу стала развиваться от провинции к государству. Отделение от Швеции имело для Финляндии ряд преимуществ. Вначале финское население выказывало решительное неприятие разрыва со Швецией, причем вооруженное сопротивление крестьянства продолжалось и после того, как война была окончательно проиграна. Однако настроения стали меняться по мере того, как новые власти демонстрировали признаки доброй воли в вопросе сохранения общественного статус-кво.

С целью усиления контроля над управленческой элитой финским чиновникам было существенно повышено жалование, а для студентов и других представителей общественного сектора введена особая форменная одежда. Впрочем, в одном важном деле унификация не сработала. В 1812 г. новые правители приняли предписание о публичном экзамене на знание русского языка для всех будущих чиновников начиная с 1818 г. Однако, когда подошло время, студенты выступили со столь бурными протестами против экзамена, что власти решили отложить эту реформу в долгий ящик. Вместо русского языка в должностной переписке с петербургской администрацией стали использоваться французский или немецкий. В дальнейшем языковой барьер стал основным препятствием для попыток интеграции, но в остальном служащие Финляндии отличались необыкновенной лояльностью.

Это было обусловлено не только повышением жалования чиновникам, возрастанием их престижа и введением красивой форменной одежды. Финляндия, в отличие от Польши, не имела своих традиций государственности, а получила их через присоединение к России. Финская управленческая верхушка понимала и принимала свою зависимость от императорской власти, уже на раннем этапе выработав кодекс поведения, в соответствии с которым финские служащие, стараясь избегать конфликтов с российскими властями, заранее предвидели реакцию государя, чтобы сохранить определенную свободу во внутренних делах страны. Верноподданность финнов объяснялась также тем, что большинство представителей сословий одновременно являлись высшими чиновниками и офицерами. В отличие от элиты других областей Восточной Европы они не владели обширными землями. Кроме чиновников, в Финляндии не было социальных слоев, которые могли бы бороться за власть, и потому финская общественная верхушка во многом отождествляла себя с государством и с национальной идеологией.

Имелись также и идеологические причины, для того чтобы повиноваться императорской власти. После войны с Наполеоном российская администрация усилила контроль за населением империи, прежде всего за учащейся молодежью, опасаясь, что та окажется особенно восприимчивой к революционным идеям. Был запрещен ввоз политической литературы, ужесточилась предварительная цензура иностранных газет. Порядок в Финляндии поддерживали в первую очередь русские военные силы, которые по окончании войны с Наполеоном получили здесь свой собственный штаб под командованием генерал-губернатора. После присоединения к России была ликвидирована поселенная военная система шведской эпохи, а обязанность крестьян содержать солдат сменилась налогами. Это препятствовало возникновению в Финляндии сепаратистских сил и одновременно население убеждалось, что ему не придется воевать против своего прежнего отечества. Военные традиции дворянских родов Финляндии получили широкое продолжение в российскую эпоху благодаря созданию во Фридрихсгаме в 1819 г. Финского кадетского корпуса. В Кадетском корпусе воспитывалась большая часть молодых финских дворян, общей численностью около 3 тыс., которые становились офицерами императорской

армии и вплоть до 1917 г. служили в различных частях огромного государства. В общей сложности около 4 тыс. финнов сделали офицерскую карьеру в российских войсках, причем почти 300 из них дослужились до генеральского или адмиральского чинов (*Мейнандер* 2008, 87–88). Многие офицеры после выхода в отставку занимали в Финляндии высокие гражданские должности. Именно российский генерал Маннергейм стал той личностью, которая привела финнов к собственной государственности.

На Боргоском сейме 1809 г. император Александр объявил, что Великое княжество освобождается от обязанности переводить налоговые сборы в общую государственную казну. В Финляндии это решение было принято с большой признательностью. Благодаря ему все общественные средства отныне могли использоваться для внутренних нужд. Финляндия, впрочем, участвовала в некоторых российских государственных займах, а в начале XX в. она подверглась определенному налогообложению. Российская администрация определяла таможенную, денежную и экспортную политику Великого княжества. Внутренними финансами Финляндии управлял весьма независимый экономический департамент Сената. Его председатель был в реальности неофициальным премьер-министром страны, поскольку одновременно являлся вице-председателем Сената. Другим важным учреждением был Банк Финляндии, основанный по высочайшему повелению в 1812 г. с целью ввода в обращение рубля, а также для ликвидации финско-шведских кредитов. До конца 50-х гг. XIX в. в экономической политике Сената господствовала идеология меркантилизма — наследие шведских времен. В первые десятилетия государственные финансы расходовались в основном на развитие земледелия, но в 30-х гг. XIX в. начались более крупные реформы под руководством Ларса Габриэля фон Хаартмана (*Мейнандер* 2008, 90). Их целью было ослабить экономическую зависимость Финляндии от Швеции, увеличить доходы государства для обеспечения возможности для систематических инвестиций, отдавая предпочтение промышленным отраслям.

Торговля Финляндии со Швецией продолжалась в большом масштабе и после отделения Финляндии в 1809 г. Одобрив восьмилетний бесполошинный переходный период в финско-шведской торговле, Россия и в дальнейшем позволяла сторонам пользоваться внутренними таможенными льготами. Поэтому Стокгольм долго оставался выгодным рынком для крестьянства Юго-Западной Финляндии, а импорт шведской руды и некоторых потребительских товаров продолжался, как прежде. Однако низкие пошлины ухудшали конкурентоспособность финской промышленности, одновременно приводя к значительным потерям таможенных доходов. Поэтому в 1834–1844 гг. при поддержке России была проведена стандартизация уровня финско-шведских таможенных пошлин, что дало финскому государству весомую прибавку в казне. Тогда же была окончательно ликвидирована система двух валют, сохранявшаяся из-за интенсивного характера торговли на Балтийском море. Еще в конце 30-х гг. XIX в. риксдалер был в Финляндии более распространенной валютой, чем рубль. Денежная реформа состояла во введении в 30-х гг. XIX в. серебряного денежного стандарта. В Южной Финляндии обмен риксдалеров на серебряные рубли закончился к осени 1843 г., а в северных областях страны реформа продолжалась до 1850 г. (*Мейнандер* 2008, 91). Денежная реформа заметно улучшила возможности Сената проводить национальную финансовую и валютную политику. Возросшие таможенные доходы обеспечили Банку Финляндии ресурсы для существенного расширения кредитования. Одновременно государство интенсифицировало капиталовложения в строительство дорог и каналов. Энергичная государственная инициатива уравнивала нехватку частного капитала.

Культура финской деревни характеризовалась как преемственностью традиций, так и переменами. Преемственность обеспечивалась лютеранской церковью, местными обычаями и шведской управленческой культурой. Присоединение к России вызвало много явных изменений в жизни общества. Вопрос в том, считали ли тогдашние жители страны эти перемены выражением финского национального духа. Лозунг «Мы больше не шведы — русскими стать не хотим, давайте же будем финнами» выразил в 1811 г. первый секретарь Великого княжества Финляндского Г.М. Армфельт, после того как услышал предложение императора Александра завоеванному населению отныне стать финнами. Государь подразумевал, что не следует жить в прошлом, и, по мнению Армфельта, долгом финнов было осуществлять пожелание императора (*Мейнандер* 2008, 93). Позиция императора была политической и никакого отношения к языковой ситуации в Финляндии не имела. Тем не менее, после присоединения страны к России финскому языку стало уделяться особое внимание. Отделение от Швеции и превращение Великого княжества в административную единицу Российской империи привели к тому, что финский язык впервые стал языком большинства.

СРАВНЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Сравним исходные позиции изучаемых малых наций конца XVIII—начала XIX в. Белорусы не имеют государственности, которую потеряли в 1569 г. Элита (шляхта) говорит и думает на польском языке. Элита не готова проявлять лояльность к российским властям, даже при условии наличия сословных привилегий и сохранения привычных социальных и экономических институтов. Крестьяне находятся в крепостной зависимости и говорят на белорусском языке. Финны не имеют и никогда не имели государственности. Элита говорит и думает на шведском языке. Элита готова проявлять лояльность к российским властям при условии создания сословных привилегий и сохранения привычных социальных и экономических институтов. Крестьяне лично свободны и говорят на финском языке.

Теперь посмотрим на итоговый результат развития в начале XXI в. Беларусь является суверенным государством. Элита говорит и думает на русском языке (частично на белорусском). Силовые институты государства ориентированы на союз с Россией. Экономические и социальные институты подобны российским, и ориентированы на экспортно-импортные и социально-культурные связи с Россией и другими странами мира. Финляндия — суверенная страна. Элита говорит и думает по-фински (частично на английском и шведском). Силовые структуры ориентированы на союз с НАТО. Экономические и социальные институты подобны западноевропейским и ориентированы на экспортно-импортные и социально-культурные связи со всеми странами мира, в том числе с Россией.

Безусловно, Российская империя явилась тем инкубатором, в котором вызрели белорусская и финляндская государственность. Условия формирования института государства у белорусской и финской нации значительно отличались. Идеальные условия сложились для рождения государственных структур в Финляндии. Достаточно самостоятельный сенат; Правительственный совет; государственный секретарь, напрямую контактирующий с императором; почти независимый национальный банк. Идеологические институты Российской империи внедрялись в Финляндии толерантно. Православная церковь строила храмы, но не посягала на протестантские традиции финнов. Русский язык предлагался в качестве официального, но в случае протестов не навязывался.

Белорусы попали в гораздо более сложную ситуацию. Губернский статус белорусских земель не предполагал никаких предпосылок для возрождения института государства. Генерал-губернатор жестко подавлял все попытки шляхты возродить государственность. Влияние католической и униатской церкви было резко ослаблено. До середины XIX в. шляхта в ходе восстаний стремилась возродить Речь Посполитую. Белорусские крестьяне эту идею не поддерживали, участвуя в восстаниях с целью избавления от крепостного права. Важную инкубационную функцию сыграла школьная реформа и языковая политика российского правительства во второй половине XIX—начале XX в. Были созданы благоприятные условия для развития народного образования, белорусского театра, для творчества писателей и деятельности издателей белорусской литературы. Шляхта, переходя с польского языка на белорусский, перестала ассоциировать возрождение государственности с восстановлением Речи Посполитой. Появляются движения и партии, которые выдвигают идеи о белорусском национальном государстве. Комфортные инкубационные условия для реализации этой идеи создаются после революции 1905 г.

Сравнительный анализ позволяет выявить механизмы создания института государства малых этносов. Их можно разделить на три типа: идеальный, оптимальный, терпимый.

Идеальный (финляндский) механизм. Ситуация «государство в государстве», наличие самостоятельного парламента, правительства, национального банка. Большое государство отвечает за безопасность внешних границ малого и почти не вмешивается во внутреннюю политику. Культура «большой» нации не навязывается. Элита малой нации вырабатывает кодекс поведения, в соответствии с которым избегает конфликтов с центральными властями.

Оптимальный (советский) механизм. Ситуация автономии. Малая нация имеет собственное правительство, парламент, но большинство вопросов внутренней и внешней политики решает центральное правительство. Культура малой нации развивается параллельно культуре большой (доминирующей). Элита малой нации имеет преимущественное право на занятие руководящих постов.

Терпимый (белорусский) механизм. Ситуация конфликта. Все вопросы внешней и внутренней политики решает правительство «большой» нации. Сепаратизм жестко подавляется.

Культура «большой» нации доминирует. Правительство не препятствует развитию культуры малой нации и формированию ее экономической и интеллектуальной элиты.

Идеальный механизм создания института государства малых этносов действует тогда, когда со стороны большой нации по объективным и субъективным причинам существует добрая воля, а со стороны малой нации доминирует полная лояльность. Так было в отношениях Российской империи и Финляндии. Нечто подобное мы наблюдаем в наши дни в отношениях между Российской Федерацией и Татарстаном.

Оптимальный механизм применялся в СССР. Национальная политика, выработанная В. Лениным и И. Сталиным, предполагала «право наций на самоопределение». Республики Советского Союза имели достаточную автономию и продуктивно функционирующие институты законодательной и исполнительной власти. Была сформирована национальная управленческая, военная, интеллектуальная элита. Это позволило союзным республикам в ходе распада СССР достаточно легко достигнуть суверенитета.

Механизм, который назван в статье «терпимым», тоже способствует созданию института государства малых этносов. Но это самый худший вариант. Он постоянно провоцирует конфликты и мешает развитию, как малой нации, так и большой. Политические репрессии, навязывание чуждых институтов, культурная экспансия со стороны большой нации провоцирует ответную реакцию со стороны малой.

Если посмотреть на историю России XIX–начала XX в., то национальная политика царского правительства привела к тому, что белорусский шляхтич Игнатий Гриневицкий убил царя-реформатора Александра II. В Минске прошел первый учредительный съезд Российской социал-демократической рабочей партии, лидер которой Владимир Ленин развалил Российскую империю. Белорусский шляхтич Феликс Дзержинский создал карательную машину ВЧК, истребившую большую часть русского дворянства. Евреи из «черты оседлости» стали активистами революционного движения России, разрушившего большинство институтов российского общества в 1917 г. Всего этого не было бы, если бы на территории белорусских губерний царское правительство применяло бы в своей политике «идеальный» или «оптимальный» институциональные механизмы.

Рано или поздно малые этносы Российской Федерации создадут свой институт государства и получат суверенитет. Современное российское правительство, декларируя тезис «Единой России» должно учитывать инкубационную специфику своего государства. Используя идеальный и оптимальный механизмы в своей национальной политике, правительство получает бесконфликтное настоящее и будущее. Применяя терпимый механизм (1993 г., Чечня) русская нация обрекает себя на перманентные проблемы с соседними малыми нациями.

ЛИТЕРАТУРА

- Ігнатоўскі У.М.* (1991). Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Минск: Беларусь.
- Козловский П.Г.* (1982). Землевладение и землепользование в Белоруссии в конце XVIII–первой половине XIX вв. Минск: Наука и техника.
- Мейндер Х.* (2008). История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь мир.
- Нарысы гісторыі Беларусі: Ў 2 ч. Минск: Беларусь, 1994.
- Нуреев Р.М. и Латов Ю.В.* (2009). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта.
- Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М.: Юридическая литература, 1987.
- Цвікевіч А.* (1991). Западно-руссизм // *Спадчына*, № 2.
- Юссилла О., Хенттля С. и Невакиви Ю.* (1998). Политическая история Финляндии 1809–1995. М.: Весь мир.
- Bendix, R.* (1978). *Kings or People: Power and the Mandate to Rule.* Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Lang, J.* (1975). *Conquest and Commerce: Spain and England in the Americas.* New-York: Academic Press.
- Moore, B.* (1966). *Social Origins of Dictatorship and Democracy.* Boston: Beacon Press.
- Skocpol, Th.* (1979). *States and Social Revolutions.* New York: Cambridge Univ. Press.
- Tilly, Ch.* (1984). *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons.* New York: Russell Sage Foundation.